

ДЕТИ,

Роман
основан
на реальных
событиях

КОТОРЫЕ

Яна Немцова

ЖИВЫ!

*«Душою чисты и со взглядом не лживым.
Идут во спасение дорогою длинной,
Молясь по ночам о живом и о мирном...»*

Яна Александровна Немцова

Дети, которые живы!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482260

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91289-2

Аннотация

В июне 1941 года объявляют о начале войны. Когда отца забирают на фронт, четыре сестры – еще совсем дети – остаются под присмотром бабушки. Все лето и осень они живут, надеясь, что папа скоро вернется. Тревога нарастает. Зимой немцы приходят в их деревню. Хозяйничают. Ищут коммунистов. Отнимают скот и еду. Как семья переживет зиму? Как простые дети перенесут тяжелые годы войны? Обо всем этом рассказывает Лидия, самая младшая из сестер.

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Часть первая. Начало	9
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Яна Немцова

Дети, которые живы!

От автора

«Дети, которые живы!» – история о простой семье. Лидия Павловна вспоминает свое детство, которое прошло в годы Великой Отечественной войны.

Подобные воспоминания хранятся практически в каждом русском доме. Многое узнаваемо.

Помните, в школьные годы нам давали задания взять интервью у своих бабушек или дедушек. Как они пережили то трагическое время? Кто-то с особым трепетом делился прошлым, кому-то было сложно рассказывать о непростых пяти годах жизни.

На вопрос, какой отпечаток оставила война, Лидия Павловна ответила: «Война – это горе для всех людей».

Было много боли, мы помним ее. Но вместе с ней жило единение, поддержка, понимание. Многие граждане Советского Союза как будто объединились в одну огромную семью!

Роман пронизывают тепло и добро. Я постаралась сохранить все, о чем писала мне главная героиня. Ее воспоминания я лишь одела в художественную форму. Не пересказала,

а прожила и показала описываемые ею события.

«Дети, которые живы!» – народная история. Настоящая, живая память. Кому сложно даются военные романы, не пугайтесь, вам не будет муторно и сложно. Временами грустно, но не сложно.

Ну что ж, уважаемый читатель, у тебя есть возможность прикоснуться к событиям, благодаря которым у нас есть настоящее и будущее.

Пролог

«Безумие правит балом... Прошел парад радужного флага... Переговоры не состоялись...» – доносились обрывки фраз из телевизора. Лидия, опираясь на ходунки, неспешно передвигалась по комнате, с каждым шагом борясь с болью в ногах. Хотела выключить порочный вещатель, а пульт, как всегда, где-то спрятался. Остановилась у антресоли. Отдохнуть. С верхней полки на нее смотрела пара черно-белых фотографий.

«Безумие... Так скоро...» – пронеслось эхом в голове, и она уже не слышала бормотания ведущего.

Лидия подошла к фоторамкам и, улыбнувшись, взяла обе. На одной она была со средней сестрой Шуркой, на второй – с группой на экскурсии. Каждый из снимков был подробно подписан, Лида достала их и прочитала вслух:

«Фотографировались в Сталинграде во время экскурсии летом 1948 г. У памятника героям, погибшим за оборону Сталинграда. Слева направо стоят:

Рита Шемьшевская, Гриша Омельченко, Люся Богданова, Вера Иванова, Лида Кашарская, Тося Коновалова, Люся Токман, Зина Овчинникова, Маша Шаров...

Группа 18 человек»¹.

¹ Фотографии действительно существуют. Лидия Павловна любила подробно подписывать имеющиеся снимки.

Все эти люди, тогда еще дети, видели великую трагедию, беспощадную войну.

Даже в свои девяносто лет, прожив долгую и разнообразную жизнь, Лидия удивлялась многогранности человеческой сути. Люди способны привести мир к великим открытиям, но и масштабным трагедиям. Этот дуализм тянется с давних времен, наверное, с самого появления человека, и продолжается до сих пор. Именно работая воспитателем, Лидия смогла отчетливо разглядеть это явление.

На ее глазах малыши становились школьниками. Вырастали в обычных плотников и предпринимателей, в исполнителей и нарушителей закона. Из дверей детского сада она проводила не одно поколение детей. В свое время любопытные малыши часто просили рассказать о прошлом, и она с трепетом делилась историей своего детства. Историей, отразившейся во многих сердцах невообразимой болью, избавиться от которой нет способа. Воспоминания нельзя удалить или ампутировать, как пораженную гангреной ногу. Память, въевшуюся в сердце, возможно стереть, только убив. Но Лидия и не хотела от нее избавляться, а наоборот, с гордостью хранила эти воспоминания в себе.

Жалела лишь об одном: «Вот бы написать книгу памяти, да таланта нет».

На следующий день произошло невероятное. Позвонила внучка и сказала, что некий современный автор готова написать роман о девятилетней Лидии.

И Лида сегодняшняя начала писать письмо этому автору, где рассказывала о далеком детстве:

«Я, Кашарская Лидия Павловна, родилась в 1932 году, деревня Николево, Курская обл.²...

Любопытно, как автор покажет эту историю?» – вдруг задумалась она, продолжая писать:

«В деревне протекала река Кшень, была очень красивой, на одном берегу росли высокие розовые цветы у воды, а в воде – белые лилии и желтые кувишки...

Мы часто ходили на луг, играли, собирали травы, ели их, а потом бежали к реке...»

– Да, таким было последнее лето в доме детства, – улыбнувшись воспоминаниям, прошептала она.

Боль в ногах утихла, как будто затаилась, пока пишется история. Лидия увлеклась, выводя новые буквы о прошлом...

² Записи из письма Лидии Павловны, по которым был написан этот роман.

Часть первая. Начало

Глава 1

Ко мне подбежала Шурка и, уперев руки в боки, нахмурившись, протянула:

– Ну, пойдем же! Настя и Шура вон как далеко, мы не догоним, – махнула она рукой в сторону удаляющихся сестер. Их фигуры утопали в зелени молодого луга.

– Только этот пучок-клевер завяжу, а то растеряю, пока до речки добежим. А зимой ведь все пригодится, – улыбнулась я ей, перетягивая стеблем тонкие ножки растрепанного букета. В середине июня клевер, беспорядочно росший на лугу, только зацвел, поэтому особого сока еще не набрался, но все равно был вкусным. От спешки я ненароком оторвала несколько бутонов. Ну что добру пропадать, хотела сама съесть, но глянула на Шурку и предложила ей:

– Будешь? Специально розовые выбирала, они слаще.

– Не хочу я твой клевер! – фыркнула она, топчась вокруг меня в нетерпении. – Пожалуйста, пойдем, – умоляюще протянула сестра.

Я хорошенько закрепила связку и довольно прижала пучок клевера к груди. Зеленый луг украшали разные цветы: желтые, сиреневые, белые. Высокие растения шуршали от касания горячего ветра. Низкие мирно покачивались. Мы

часто приходи сюда играть. Собирали полезные травы: сушили на зиму, ели свежими, готовили каши и супы. Щавель, анис, подорожник, клевер. Природа щедро о нас заботилась. Я схватила Шурку за руку, и мы побежали за виднеющимися вдалеке сестрами.

Хорошо нам было вчетвером. Рядом с ними я чувствовала себя увереннее, храбрее, наполнялась любовью. Шура – двоюродная сестра, ровесница Шурки. С тех пор как осиротела, жила с дедушкой в хате напротив нашей, все дни проводила с нами, и только к вечеру мы разлучались. Часто молчаливая, казалось, она всегда думала о важном. Ее пронзительный взгляд выражал грусть и серьезность. Шурка – средняя сестра, веселушка, любила поболтать. Всегда поднимала нам настроение. Настя – старшая сестра, ей уже было четырнадцать, – заботилась о нас, была хозяйственной, доброй и внимательной. Мне нравилось слушать ее истории о маме и младшей сестренке Анечке. Нам не хватало их. Три года минуло с тех пор, как маму съела болезнь, мне тогда шесть лет всего исполнилось, а год назад умерла от кори младшенькая, совсем крохой. Все мы пережили потери любимых, родных людей. Из-за этих горестных событий ближе сплотились и были вместе – не разлей вода.

Мы почти нагнали сестер, как я угодила ногой в ловушку из плетеной травы. За малым не упала. Шурка крепко подхватила под руку и рассмеялась, глядя на мое сконфуженное лицо. Настя и Шура оглянулись, в недоумении посмотрели

на нас и пошли дальше.

Повеяло тиной, легкой свежестью и смирением.

Мы спустились с крутого склона к реке. Солнце щекотало наши плечи и отражалось блесками на покрытой рябью Кшени. Река-красавица, не иначе. Мы остановились у кромки воды и замерли на мгновение. На сверкающей ребристой поверхности подпрыгивали желтые кувшинки, как будто дети солнца спустились понежиться в теплой воде, а белые лилии, словно воздушные облака – друзья солнца, – их оберегали. На другом берегу Кшени колыхались высокие розовые цветы. Они, как зрители, любовались забавами детей неба. Все это природное таинство защищали деревья, как верные слуги выстроившиеся вдоль реки. На их тонких ветвях было столько листвы, что казалось, деревьям тяжело их держать, и ветки тянулись к земле.

– Ну, что, кто первый? – прервала благоухающее молчание Шурка и, не дождавшись ответа, скинула легкий голубой сарафан, и побежала в воду. Брызги полетели в разные стороны. Кувшинки заволновались. Настя не растерялась, повторила за Шуркой и, нырнув под воду, через миг показалась уже перед сестрой.

Я игриво задела притихшую Шуру плечом, подмигнула, сняла платье и, смеясь, побежала к резвящимся сестрам. Шура не торопилась к нам. Неспешно разделась и аккуратно вошла в воду.

Теплая Кшень приняла нас в свои объятия. Разгоряченное

под знойным июньским днем тело наконец-то расслабилось. Выдохнуло.

Шурка махнула рукой по волнующейся поверхности реки, и прохладные капли полетели в лицо. Мы плескались, веселились. Звонкий смех щекотал уши. Играли, кто дольше продержится под водой. Настя всегда выигрывала.

Вдруг Шурка и Шура замерли, в глазах застыл страх. Проследив за их взглядом, я заметила ужака. Он важно скользил по реке, как по льду, к камышам позади нас. Точно хозяин реки.

– Вы чего? – хихикнула Настя. – Подумаешь, змея.

– Пойдемте домой, – прошептала я сестрам. Только сейчас осознала, как долго мы купались. – Папа, наверное, волнуется.

– Не хочу, – фыркнула Шурка, – мачеха хуже этой змеи будет коситься на нас. Чужие мы ей!

– Шурка, нельзя так. Вместе под одной крышей живем, надо дружить. Папа вон, ожил, повеселел, плетет свои корзины да веревки. Даже в хате как-то уютнее стало, – начала Настя, как всегда, правильные слова выговаривать.

Шура, недослушав разговор, молча побрела на берег. Мы понимающе глянули друг на друга. Когда заводили речь о родителях, Шура всегда грустила.

– Ну что ты, малышка, – пошла за ней Настя и, уже остановившись у вещей, обняла ее. Двоюродная сестра молчала.

– Мы всегда будем рядом. Да и дедушка какой у нас, дру-

гим только завидовать остается, – улыбнулась Настя, – так что вешать нос – преступление!

Шура улыбнулась в ответ и с облегчением вздохнула.

– Ладно, пойдёмте. Дедушка тоже волнуется, – согласилась она.

Все выбрались из воды, оделись, почти тут же обсохли. Жутко пекло солнце. Я взяла пучок увядшего клевера, и мы побрели через луг обратно к деревне.

Впереди показались высокие угрюмые ракиты, свесившие до самой земли лохматые ветви, – шикарный дом для грачей.

Стоило нам подойти ближе, как птицы протяжно закричали, взметаясь над лохматой кроной деревьев, как будто защищая аккуратно свитые гнезда. Черные величественные хозяева, вестники весны всегда меня радовали. Наблюдая за ними, казалось, что подслушиваю некие секреты их стайного, семейного бытия.

Улыбнувшись им, я поспешила за сестрами. Узкую тропинку накрывали густые ветви, даже солнечные лучи не пробивались через их крепкое сплетение. В зеленом тоннеле было сыро и сумрачно.

Я не успела выдохнуть разгоряченный воздух, как мы вышли на задний огород. Тяжело дышать июньским зноем. Он обжигал кожу, но мне почему-то вдруг стало холодно. Мурашки вздыбили волоски на руках, и ноги отяжелели.

«Купание в речке всегда расслабляет», – подумала я и глянула по сторонам.

Слева соседский огород как будто продолжал наш. Аккуратными рядами, начисто прополотыми, росли тыква, кабачки, а уже ближе к сараям – картошка. Но вот с правой стороны открывалась совсем другая картина. Заросший сорняком огород грустно ждал своих хозяев. Сарай осели и покосились. Старый дом давно осиротел, со временем природа взяла его в свои крепкие объятия. Однажды я видела, как молодой мужчина приезжал к нему. Дом словно обрадовался, что еще кому-то нужен, двор вздохнул, освобожденный от зарослей, но недолго длилось его счастье. Вскоре он вновь остался один на один с природой.

Сестры, скрипнув калиткой заднего двора, тихо прошли между курятником и сараями. Я плелась позади. В ближнем сарае жили лошади Гром и Агаша, в следующем – корова Марта, а с ней через перегородку – козы. Дальше, почти прижимаясь боком к забору осиротевшего дома, тянулся большой навес, где хранились дрова и сено. Старый каменный погреб-ледник, похожий на землянку с низкой округлой макушкой. В передней его части хранили все хозяйственные инструменты: мотыги, лопаты, кувалду, топор. Бочки, наполненные зерном и овсом. В дальней был погреб.

Я прибавила шаг, догоняя сестер. Куры, приметив у меня пучок клевера, как мухи на сладкое, тут же сбегались и лезли друг на друга, желая дотянуться до розовых бутонов, так аппетитно покачивающихся в моих руках.

Мы обогнули угол дома и не успели подняться на крыль-

цо, как слышали:

– Опять бездельничаете! – рявкнула мачеха, встретив нас у порога.

Шура тут же юркнула из двора, только мелькающую спину через щели забора и видели. Мачеха выхватила из моих рук неказистый, увядший на жаре клевер и швырнула во двор. Я с сожалением посмотрела на развалившийся пучок.

– В огороде работы полно. Как есть, так вы первые, как работать – никого не найдешь, – продолжала бубнить она, пытаясь завязать платок на затылке.

– Брось гневаться, все сделаем, – показался на пороге отец, не выпуская плетеную веревку из рук. – Чуть осталось, довяжу, и вместе пойдем, – спокойно сказал он. С гордостью растянул плетенку и с силой в стороны дернул: – Хороша. Крепкая. Не одно судно выдержит. Еще закажут, деньга будет нам.

Отец любил в свободное от работы в колхозе время руками мастерить. Плел корзины из лозы, веревки из конопли. Все время чем-то занимался, без дела не сидел. Кормилец, одним словом. Да и сердце у него доброе, весь в дедушку. В глазах, правда, грусть оставила след, губы редко трогала улыбка. Жили мы намного счастливее, когда мама была с нами. А с появлением мачехи словно черные тучи сгустились над крышей нашего дома, и никакой ветер не мог их разогнать. Настя порой говорила, что это моя детская глупая ревность, со временем свыкнусь. Может, и права она. Кто знает?

Наверное, только время.

Мачеха махнула на него рукой, стрельнула на нас черными глазами и, схватив поржавевшее ведро, наполненное нарезанными яблоками, скрылась за углом дома.

– На столе обед ждет. Мы с Аглаей уже поели, вас не дождалась, – хмыкнул отец и вошел в хату, – как закончите, пойдем полоть. Картошку надо окучить.

Дом наш был небольшой. Одна комната: здесь и кухня, и спальня, и мастерская отца. За большой печкой пряталась койка. Раньше папа с мамой там спали. А теперь мамино место занимала мачеха. Каждый раз думая об этом, я злилась. Как можно с этим свыкнуться? Настя хоть и говорила, что смирение, как и прощение, приходит со временем, а сама-то уж год как избегала лишним словом обмолвиться с мачехой. Да и Аглая Михайловна делала вид, что нас не замечает. Готовила обеды, заботилась об отце, занималась бытом... Мы для нее лишь мрачные тени прошлого. Возможно, дело во-все не в смирении, а в том, что мы все скупились на внимание, отзывчивость. Боялись быть отвергнутыми... Тяжелые мысли, мне не под силу, пусть Настя думает, как наладить семейные отношения.

Я прошла в хату. Отпустила бесполезную злость. Молчаливая, холодная печь веяла покоем. Она была нашим отдельным уголком, где всегда уютно, кажется, что там даже солнце по-особенному светило. Точно мамино тепло затаилось и согревало. На печи мы и грамоте учились. Школа была в

соседней деревне Расховец, что меня крайне огорчало. Посещения зависели от погоды. Замело или развезло дороги – уже не добраться, поэтому занимались самостоятельно. Как могли. А в свободное время мастерили игрушки из всего, что было: перья, крепкие ветки от растрепавшегося веника.

Вздыхнув, я глянула на деревянный стол в углу хаты. Пахнуло свежей выпечкой. Любимым мясным пирогом. В большой глубокой чаше неаккуратной горкой лежала картошка, посыпанная ароматной зеленью. Рядом на тарелке лежали квашеные огурцы, оставшиеся еще с прошлого года. Этим летом свежие кусты только начали разрастаться, кое-где украшали их маленькие желтые цветочки.

Завтрак прошел давно, и пора было бы уже как следует проголодаться. Мне вроде и хотелось есть, но стоило подумывать о вкусе еды, так ком к горлу подступал.

– Ты чего застыла? – глянула на меня Шурка, усаживаясь за стол на длинную скамью.

– Что-то не хочется кушать, – я опять вздохнула, – пить хочу. Воды.

Отец как сел на табурет в противоположном углу у громоздкого старого сундука, железом окованного, так и не отрывал взгляда от длинной конопляной веревки. Так увлекся, что не слышал и не видел нас, как будто находился в отдельной комнате.

– Клевера наелась? – хихикнула Шурка. – Ну да ладно, нам больше достанется.

– Лида, сколько раз говорить, все, что земля дает, мыть нужно, – поучительно добавила Настя.

Я ничего не ответила, взяла железный ковш, зачерпнула из ведра воды. Пару раз тяжело глотнула. Остатки выплеснула во двор, земля в ответ фыркнула облаком пыли.

Забралась на печку, взяла книгу. Ее подарил дедушка на пятилетие Насти. За это время желтизна тронула хрустящие страницы, уголки бумажной обложки закрутились и заморились.

Это был сборник сказок Александра Сергеевича Пушкина. Перечитывая в сотый раз о рыбаке и рыбке, я мечтала лишь об одном: чтобы мама и Анечка жили. А разглядывая иллюстрации, останавливалась на пышных деревьях. Вспоминала наши ракиты и строгую песню грачей. Я любила ее слушать.

Тут вдруг на страницах птицы ожили. Громко загорлашили, заволновались, закружились, разгоняя надо мной сгустившиеся грозные тучи. Впереди стояли знакомые, но в то же время чужие ракиты с облысевшими кривыми ветвями, с почерневшими, растрепавшимися гнездами. Тропинку к дому заплели сухие искореженные ветки, как крепкая паутина.

Холодно. Я посмотрела на ноги. Босые, испачканные в саже ступни казались не моими. Не девятилетней девочки, а взрослой девушки. Я стала Настей? Или так быстро выросла? Что произошло?

Оглянулась. Вокруг – когда-то зеленый луг сейчас покры-

вала истлевшая черная корка. Страшно. Я прижала руки к груди, желая спрятаться. Короткое, совсем не по размеру платье колыхал холодный ветер. И ни души. Только грачи все громче кричали и кружились над самой головой, как будто хотели защитить меня от кого-то. Оглушительный гром прорезал пространство, перебивая птичий крик, грачи разлетелись в стороны.

Я побежала к дому, продираясь через заросли. Больно. Они царапали руки, лицо. Путались в волосах. Ужас сжал в кулак мое сердце.

Неприятный ком подступил к горлу. Дыхание перехватило.

Я вскочила в холодном поту, и меня вырвало с высокой печки на пол. В глазах все поплыло. Мачеха и Настя кружились по хате, что-то говорили. Отец спешно надевал выходные брюки и рубашку.

– Она вся горит! – испуганно сказала Настя, поглаживая меня по голове. – Милая, ты можешь встать? – спросила сестра.

Я попыталась подняться, все закружилось еще сильнее, тело мучила ломота, и живот болел так, что закладывало уши.

Отец подхватил меня и уложил на руки, как младенца. В теплых, любящих объятиях боль и тошнота отступили, но не исчезли. Кошмарный сон развеялся и почти забылся. Я смогла глубоко вздохнуть, улыбка чуть коснулась моих губ,

и я вновь провалилась в болезненную дремоту.

Глава 2

Я переоделась в парадное платье и собирала спальные вещи в узелок. В палате было тихо, соседи по койкам ушли на обед. Тут в дверях показалась Настя. Я бросилась ее обнимать.

– Я так соскучилась! – прошептала, прижавшись к груди сестры.

– И мы очень, очень соскучились, – крепче обняла в ответ Настя.

– А папа ждет на улице? – радостно спросила я и поспешила вернуться к узелку. Уже не церемонясь, скомкала льняную ночную рубашку с оборками.

– Лида, мне кое-что тебе нужно рассказать, – начала Настя, присев на край моей кровати.

– Что-то случилось? – я с волнением перебирала в руках оборки рубашки.

– К нам пришла война...

– Да, слышала... – заметив тревогу в глазах сестры, перепугалась. – Что, прямо в деревню пришла? – прошептала в ужасе.

– Пока нет, но она рядом. В стороне Севастополя.

– Да кто ж найдет нашу деревню? Не дойдет война до нас, не волнуйся, – с облегчением выдохнула и с радостью повторила: – Так отец на улице, да?

– Папу забрали на фронт несколько дней назад. Мачеха уехала в свою деревню, к родителям, – с волнением сказала Настя и выдохнула так, будто освободилась от непосильной ноши.

Я присела рядом с сестрой. Вдруг тяжелая тоска заняла в груди. Страх. Как же теперь мы будем жить? Молчание затянулось. Я пихнула рубашку в узелок. Туго завязала его, надеясь, что там спрятала возникшую тревогу. Прогнала ее. Глянула на Настю и с надеждой спросила:

– Он ведь скоро вернется?

Настя молчала, только крепко сжала мою руку.

– Война не дойдет до нас? Скоро она вовсе закончится, и папа вернется, – продолжала я рассуждать, – знаю, так и будет!

– Надеюсь, ты права, – едва заметно улыбнулась сестра и добавила: – Ну что, пойдём? Шурки ждут нас дома.

Поехали мы долгим путем. В объезд. Лес глядел издалека, дорога, накатанная, прямая тянулась вдаль. Солнышко припекало, облака обходили его стороной.

– Настя, – позвала я сестру.

– Да, Лида, – оглянулась она, подгоняя поводьями лошадей.

– Почему ты тут поехала? – немного помолчав добавила: – Расскажи, как ушли отец и мачеха? Как все случилось? – да, эти вопросы меня беспокоили и пугали.

Сестра отвечала искренне, как будто проживала заново

последние недели. Я слушала и все видела ее глазами, и, казалось, чувствовала ее сердцем, точно книгу читала:

С двадцать второго июня деревенские только и говорили о пришедшей в наш русский дом страшной войне. Жизнь стала иной: пугающей, тревожной. Напряжение поселилось в воздухе.

А ведь всего две недели прошло с тех пор, как мы купались в реке и беззаботно играли на лугу. Тогда же я заболела. Выяснилось, что моя хворь – это тиф.

Этим утром Настя ехала забрать меня из больницы в деревню Расховец. Короткая дорога занимала час, но ее это не пугало. Я знала, сестра умела управлять лошадью и телегой. Пугало ее другое, говорила она. Как сообщить мне о наступившей войне? Как сказать, что по возвращении домой я не увижу ни отца, ни мачеху? Слишком свежо горькое расставание. Ей тяжело было делиться этими чувствами со мной. Говорить вслух об уходе близких людей. Не знаю, как бы я переживала, будь на ее месте? Ведь даже мысли об этом давались непросто.

Рассказала Настя и то, как отцу через неделю после объявления начала войны пришло письмо с повесткой. Как на следующий день он собирал вещи в узелок, а мачеха, будто ужаленная пчелой, металась по хате из угла в угол и кричала:

– Война войной, а нам как быть? Ты оставляешь меня одну на четверых детей! Я не справлюсь. Нет! – вопила она. – Ладно, хорошо. – Вот, вроде успокоилась. – Понимаю: долг,

Родина... Нет, – снова заводилась она, – я не справлюсь с чужими детьми!

Отец молчал. Сложил рубаху, теплые носки, все что были. – Что ты молчишь?! Скажи, как быть?! – требовала она.

Настя утешала плачущую Шурку. Они сидели на печи. Наблюдали, как рушится их семья.

– Ну скажи хоть что-то! – мачеха схватила из узелка рубаху и хлестнула отца по спине. Он молчал. Забрал рубаху и сложил обратно. – Ну знаешь! – она раскраснелась от гнева. – Ну знаешь! Мне твои дети не нужны!

В этот же вечер мачеха ушла. Отца и еще нескольких деревенских мужиков забрали утром.

Настя и Шурка остались вдвоем. Дом опустел. В один день разрушился и без того непростой семейный уклад. Но вечерами их тоскливую хату согревали своим присутствием дедушка и Шура, которая со временем окончательно перебралась к нам.

С волнением рассказывала Настя, как по дороге ко мне думала и перебирала все эти мысли о жизненных переменах. Как не заметила, что далеко отъехала от деревни.

Овраг со всех сторон окружали деревья. Они смотрели свысока, расположившись по его краям. Дорога, как тихий ручей, то уходила вниз по спуску, то тянулась вверх в гору. Трава одела склоны в зеленую взлохмаченную шубу.

Вдруг лошади нервно фыркнули и заржали. Припустили вперед.

Позади них из-за высокой травы выглянула волчья морда. Грязно-серый хромой зверь семенил по склону к дороге.

Сердце Насти колотилось, ладони вспотели, – делилась она. Страшась, поглядывала на крадущегося за телегой хромого зверя.

Сестра видела – подъем в гору уже близко. Там ее спасение. Надеясь, что волк отстанет, она поторапливала лошадей.

То ли от страха ей казалось, что вечер ворвался в середину дня, а лес съел остатки дневного света. То ли на самом деле солнце спряталось за макушками деревьев. Тень как будто тянула за хвост лошадей и притормаживала телегу. Вроде бы вот ее спасительный подъем, совсем рядом, но в то же время он словно оставался вдалеке.

Я напряглась всем телом. Испугалась за сестру, хоть и понимала, что это уже произошло и с ней все в порядке. Мы едем домой. К Шуркам.

Мысли о доме и родных прогнали мой страх, а Настя тем временем продолжала.

Не оглядываясь, она преодолела подъем и пустила лошадей полным ходом. Только у деревни Расховец притормозила и осмелилась оглянуться.

А уже в больнице она встретила меня, и к сестре вернулись томления о том, как начать разговор.

После услышанной истории я молчала. Думала. Казалось, все это вымысел. Трудно осознать, принять как действитель-

ность. В груди оставалась глупая надежда, что сейчас отец и мачеха работают на огороде. Ждут нашего возвращения.

Настя оглядывалась на меня. Беспокойство отражалось в ее взгляде, подтверждая правдивость сказанного.

– Как ты? – наконец спросила она.

– Трудно ответить, – честно призналась я.

– Ну тогда поделись, как тебе было в больнице? Только честно!

Я рассказала, с какой теплотой и внимательностью заботились обо мне медсестры. Какими были радушными и добрыми поварами, как вкусно они готовили. Вспомнила, как поперхнулась куриным бульоном. Вот так и умереть можно. От бульона. И смех и грех, как говорится.

Уже подъезжая к деревне, я заверила, что отныне буду мыть все, что дает земля, и только затем есть, потому что микстуры и таблетки были отвратительными.

К вечеру мы добрались до дома.

Шурки что-то стряпали на ужин. Оказалось, они сварили суп из клевера с картошкой и галушками. Лепешки из гречневой крупы уже лежали в чашке на столе.

После легкого ужина все вышли во двор. Настя взялась кормить скотину. Живности у нас было в достатке: куры, гуси, корова Марта, лошади Гром и Агаша и три козы. Куры, по обычаю, столпились у изгороди в ожидании зерна, их любимого лакомства.

Это лакомство выдавали каждый год в конце сентября.

Свежие, только собранные с полей овес и зерно. Все это заслуги дедушки и отца: они уже долгое время работали в колхозе, а он обеспечивал всем необходимым для хозяйства.

Я и Шурки вышли на задний двор, в огород. Надо было поливать. За день почва знатно подсохла и тонкие трещины разрисовали грядки.

В начале участка малыши-корнишоны уже выглядывали из-под широких ворсинчатых листьев.

Капуста округлилась, как наша Марта, – теленок вот-вот должен появиться на свет.

Весь огород оброс благодатной зеленью. Вроде бы меня не было всего две недели, а такие перемены.

Хата без хозяина будто вовсе затосковала, опустела. Я же свою тоску тихо берегла в сердце. Сестрам, уверена, было так же непросто принять эту действительность, как и мне. Грусть отражалась даже в их улыбках. Особенно сложно было Насте. На ее плечи свалились заботы не только о доме и хозяйстве, но еще и о нас.

От мыслей меня отвлекла Шурка. Она принесла полное ведро воды и тяжело поставила его среди грядок. Из краев плюхнуло, на земле расплылась большая мокрая клякса.

– Надорвешься, носи понемногу, – сказала я, наполняя лейку и возвращая ей пустое ведро.

– Слушаюсь, – хихикнув, подмигнула она.

Я прошла по кустистым рядам, орошая их дождем из лейки. Почва благодарно шипела.

Шурки по очереди от колодца носили воду. Я поливала, кое-где замечая траву в грядках, останавливалась и дергала ее. Работа была налажена.

Закончили, когда уже смеркалось. В летней кабинке, за сараями, мы ополоснулись и вернулись в хату.

В углу на табурете лежала недовязанная отцом конопляная веревка. С новой силой нахлынула тоска.

– Он обязательно вернется, – обняла меня за плечи Настя, – помнишь, сегодня ты сама об этом говорила?

– Помню, – ответила я, прошла к столу, присела на край скамьи и взяла давно остывшие лепешки. Немного перекусив, мы все вместе улеглись на печь.

От сестринского тепла душа улыбнулась, я скучала по этим ощущениям, пока была в больнице.

Я лежала у стенки, посередине две Шурки, Настя всегда занимала место с краю. Она переживала, что кто-нибудь из нас во сне ненароком свалится.

– Настя! – громко прошептала Шура.

На улице зазвенел, как разливающийся мед, стрекот, и, как будто услышав своих сородичей, затрещал в углу хаты одинокий сверчок. Мне показалось, что у них какая-то особенная перекличка. Я хихикнула своим мыслям, и, словно услышав их, засмеялась и Настя.

– Что, Шура? – наконец-то она отозвалась на зов двоюродной сестры.

– Расскажи что-нибудь, – попросила она и добавила: – я

привыкла, что дедушка перед сном сказки рассказывает.

– Жили-были четыре сестры, жизнерадостные, дружные. Любили играть на лугу. Собирали травы. А после бежали на речку-красавицу... – начала сочинять Настя. Хотя это вовсе не сочинение, а наша история. Мягкий приятный голос тянулся песней по хате.

Я поплыла по течению теплого, памятного мотива. Почувствовала, как во мне прорастала другая, новая жизнь. Сейчас то купание в реке казалось далеким прошлым. И дело вовсе не в отъезде отца. Не в разросшемся огороде. Не в располневшей Марте.

Семя перемен посеяла весть о неизвестной мне войне. Теперь мои мысли стали иными, внимательными к мелочам, рассудительными. Как будто сознание стремилось сохранить в памяти каждый прожитый миг. Наивная беззаботность, которая была во мне еще две недели назад, как будто затаилась где-то глубоко в сердце. Теперь во главе мыслей была ответственность за близких и страх за завтрашний день.

Я искренне надеялась и хотела верить, что мы не увидим войну, что она растворится где-то далеко.

Но неприятное, липкое «а вдруг» – пугало: а вдруг не вернется отец, а вдруг действительно наступят страшные времена, а вдруг... И я вспомнила жуткий кошмар, который увидела в бреду. Холодок пробежал по спине.

Все эти мысли и убивали во мне беззаботность. Заставляли думать, о чем раньше и не задумывалась. Конечно, я хо-

тела сохранить в себе задор девятилетней девочки. Я хотела играть с сестрами, слушать строгую песню грачей, весело плескаясь в реке Кшень. Не отпускать наивную радость как можно дольше. Но, увы, эта новая жизнь превратила прежнюю в воспоминания.

Настя угасающим, почти неслышным голосом завершала сказку о четырех сестрах. В ее истории они прожили долгую счастливую жизнь.

«А будет ли все так в действительности?» – спросила я себя и, плотнее прижавшись к Шурке, поймала мысль о хрупкой тишине. Казалось, что даже наш незваный гость-сверчок задремал, но легкое посапывание сестер и доносившиеся звуки улицы: редкий лай собак, сонное пение птиц, шорох и шелест ветра – нарушали тихую идиллию. Прислушавшись теперь уже к музыке жизни, я уснула.

Глава 3

Вечером следующего дня после хозяйственных забот мы вышли прогуляться. Зброшенный соседний дом в сумерках казался еще угрюмее. Черными глазами-окнами смотрел в никуда. Отбившийся угол крыши, как незалеченная рана, уродовал и без того устрашающий вид. Вздрогнув, я отвернулась. Напротив стояла теплая, сказочная избушка дедушки с бело-голубыми ставнями, с резным фасадом. В одном окне горел подрагивающий свет, будто подмигивал, а ажурные занавески вырывавшимися углами из открытой створки приветствовали. Рядом – дом дяди Вани Полянского, был выше, с густой соломенной крышей, сам из потемневшего дерева. Словно старший брат, дом защищал сестренку-избушку своим широким боком от настырного ветра.

Накатанная грунтовая дорога прямой, будто нарисованной линией уходила вдаль, встречая наступающую ночь. Вдоль нее выстроились похожие, но в то же время разные дома. В деревне их было не больше тридцати. Каждый нес свое настроение и характер. По-разному их облагораживали хозяева.

– Как думаете, что сейчас видит папа? – тихо спросила Шурка.

– Надеюсь, тихое звездное небо, – с дрогнувшей улыбкой ответила Настя.

Мы не знали, куда его направили и где он сейчас может быть. Дедушка как-то сказал Шуре, что сейчас сложно в Севастополе и всей его ближайшей полосе. На самом деле никто в нашей деревне не знал, где начинались и где заканчивались сражения. Только у дяди Вани имелось радио, но и по нему не объявляли всех подробностей.

Тут вчерашний день напомнил о себе. В больничной палате весть о войне казалась мне несерьезной, теперь же сердце сжимало пугающее ощущение, что она где-то поблизости. Это чувство пришло вместе с горьким осознанием, что отец не придет к ужину, уставший после трудового дня в колхозе. Что он действительно уехал на фронт. Я волновалась за него, но не так, как должно, не так как дедушка. Война – страшное слово, но непознанное. Каково солдату в окопе? Что испытывал человек, глядя в глаза бездыханного товарища? Как звучала война? Все это мне неизвестно. Я думала, что переживала не так сильно, как другие. Даже становилось стыдно, что порой вовсе забывала о войне. Особенно если занимались с сестрами хозяйством, или готовила обед, или читала. Только в хрупкой тишине я тосковала об отце и вспоминала это страшное слово.

– Вы куда намылились на ночь глядя? – встретили нас Галина Васильевна и ее старшая дочь. Они гнали корову.

– Мы до бабы Глафиры и обратно, – ответила Настя. – У вас Манька опять сбежала?

– Да, нашли у ложбины. Пошла, пошла! – подгоняя хво-

растиной корову, они прошли дальше и, уже оглядываясь, тетка крикнула: – В гости заходите. Чаем вас напою.

– Как-нибудь зайдем, – ответили мы.

Впереди, из двора Сорокиных, донесся крик младенца и материнский нескладный колыбельный напев: «Тихо, тихо, хорошо. Мы прогоним комаров...»

– Мать! – мужской хрипчатый голос вмиг успокоил ребенка, но ненадолго, малец тут же заревел еще громче.

– Чтоб тебя черти голоса лишили, – буркнула Сорокина, – чего орешь?!

– Ужин иди накрывай!

– Иду! – фыркнула мать.

Деревня затихла, только лай собак на разные лады сопровождал нас. Вдруг позади хлопнула калитка. Загромыхал железный засов. Мы оглянулись. Через щели забора за нами наблюдал тощий, высокий парнишка. Дедушка его прозвал Одаренным, из-за того, что он плохо говорил, в основном мычал и вел себя как мальчик в свои двадцать два года.

Мы прошли до конца деревни. Крайний дом Николево напомнил соседский. Но этот был не заброшенным, в нем жила бабка Глафира. Все ее знали, но редко кто общался – старушка не привечала гостей. Глядя на окошки с облупившейся краской на ставнях, я заметила в глубине тусклый желтоватый свет. В груди защипало тяжелое одиночество. Не мое, а той старушки.

Глубокий вечер затемнил просвечивающуюся синеву су-

мерек. Нужно было возвращаться обратно. Уже уходя, я оглянулась. У низкого штакетника стояла худая, невысокая, сторбленная бабка Глафира. От неловкости я тут же отвернулась.

У калитки нашего дома топтался дедушка и, приметив нас вдалеке, покричал:

– Девочки, так поздно не гуляйте! – строгость вышла неестественной из-за его мягкого голоса. Он прокашлялся, собираясь что-то добавить.

Вдруг из глубины нашего двора донесся рев Марты. Мы все кинулись к коровнику, тут же позабыв о проступке. Дедушка вошел в темный сарай первым, за ним Настя и мы – гуськом. Марта лежала, повалившись набок.

– Вперед копытами выходит, – ругнулся дедушка.

Корова протяжно и жалобно замычала, забив копытами, как будто желая подняться.

– Лежи, лежи, моя хорошая, – приговаривал дедушка, поглаживая ее бок. – Настя, нужна твоя помощь, – начал он, но осекся, обратив на нас внимание. – А вы чего тут? А ну-ка марш домой, чай приготовьте, – наказал он, и наша троица попятилась к выходу.

Долго еще гудело в ушах тяжелое дыхание Марты. Ее печальные, наполненные болью глаза царапали сознание.

Я слонялась по хате. То наполнила и вскипятила закопченный чайник. То кружки на столе расставила, потом еще раз подогрела остывшую воду. Присела за стол, взяла вче-

рашнюю лепешку из гречневой крупы, откусила и обратно в чашку положила. Кусок в горло не лез. Попила воды.

Шурка сидела на табурете и крутила в руках недовязанную отцом конопляную веревку. Казалось, что она хотела завершенить начатое и силилась понять, как это сделать.

Шура забралась на печь и листала букварь.

Все молчали. Думали о своем. Ждали Настю и дедушку.

Я не удержалась, выглянула на улицу. Совсем стемнело. Ни луны, ни звезд не было видно – они спрятались за непроглядным полотном. С тьмой боролся лишь редкий, робкий свет лившийся из окон хат.

Из-за угла дома донеслись звуки шагов и тихий разговор. Я спустилась с крыльца и услышала:

– Жалко теленка.

– Так случается. Задыхаются в пузыре, и все тут. Да и слабый, маленький был, все равно бы не выжил, – немного помолчав, дедушка добавил: – Марта молодая, глядишь, на следующий год...

– Лида! – заметила меня Настя. – Ты чего не спишь?

Я ничего не ответила. Горечь последних событий обжигала изнутри. Тоска по отцу, волнение за завтрашний день, грусть за мертвого теленка. Все, что я таила в себе, подступило к горлу удушающим комом и вырвалось наружу. Я заплакала, а в мыслях ругала себя за слабость.

Вот бы спрятаться, как луна и звезды. Исчезнуть. Не тревожить сестер и дедушку. Знала: слезам не время. Понимала,

что сейчас каждому нужно быть сильным, иначе рухнет сложенная башня из веры, надежды и любви. Хотела тихо поговорить в одиночестве. Так, мне казалось, будет легче и правильнее. Пока не подошел дедушка и не прижал меня крепко к себе. Приятное тепло окутало ноющее сердце. От дедушки веяло сладким уютом, покоем.

– Чай пить будем? – спросил он и поцеловал в макушку.

– Вода уже остыла, – шмыгнув носом, ответила ему, – нужно разогреть.

– Ну, так пойдем, – он, обнимая меня за тонкие плечи, проводил в хату, а я поспешно смахнула слезы, чтобы Шурки не увидели.

Дедушка присел за стол и тайком подмигнул, по-доброму, искренне улыбнулся. Морщинки в уголках глаз растянулись. Карие глаза блестели, одаривая заботой. На мгновение я увидела в нем отца. Они были похожи. Оба высокие, статного телосложения – вероятно, физическая работа помогала поддерживать фигуру. Правда, у отца едва виднелась седина, в то время как у дедушки она раскрасила почти все волосы.

Не хотелось, чтобы он уходил после чаепития. Понимала, что мы девочки самостоятельные. В деревне в безопасности. Да и Настя о нас заботилась. Но все же с ним было спокойней, не так страшно и сложно. Словно услышав мое желание, дедушка заговорил:

– Ну что, девочки, пора ложиться спать. А я расскажу вам сказку. – Он поднялся из-за стола, взял табурет.

Мы тем временем забрались на печь и внимательно наблюдали за ним. Дедушка присел рядом и начал тихим тонким голосом:

– В некоем царстве, в далеком государстве жила семья – богатый купец и его три дочери: душечки, красавицы. Самая любимая, ласковая и заботливая была младшая. Многие в государстве про купца слышали, многие видели, но мало кто с ним знался.

У купца имелось разнообразное богатство: и жемчуга, и камни самоцветные, и казна из золота и серебра. И вот собрался он в дорогу дальнюю за драгоценностями заморскими. Через океаны, горы и леса...³

Этим вечером дедушка не рассказал всей сказки, уснули мы, не успев дослушать. Следующим вечером продолжил:

– По прибытию купец велел слугам принести сундуки дорожные, железом окованные. Приберег он в них гостинцы для душечек-дочек. Доставал батюшка старшей дочери золотой венец, что на огне не горит, в воде не ржавеет, с камнями самоцветными. Достал гостинец средней дочери: тувалет хрусталию восточного. Достал гостинец меньшей дочери: золотой кувшин, а в нем цветочек аленький...⁴

Много мыслей рождалось, пока я слушала сказку. И го-

³ Начало из сказки Сергея Тимофеевича Аксакова «Аленький цветочек». Переделано на простой разговорный лад.

⁴ Переписан на народный лад отрывок из сказки Сергея Тимофеевича Аксакова «Аленький цветочек».

рестных, и радостных. Поддавшись размышлениям, отвлеклась от грызущей тоски по отцу. Мысль развивалась сама собой, а я шагала по ее витой дороге.

Привезенные батюшкой гостинцы старшие дочери приняли с радостью, а о цене не подумали. Каково было отцу добыть прелести заморские? Не поблагодарили даже добрым словом. Только младшая забеспокоилась, что так печалит батюшку. Разве возможно такое?

Я фыркнула в темноту: «Это же сказка!» – успокаивала себя. Тут дедушка завершал рассказ словами:

– Я сам там был, пиво-мед пил, по усам текло, да в рот не попало.

Послышались робкие шаги, передняя дверь тихо скрипнула и закрылась. Дедушка ушел. А мне все не спалось.

Сестры сонно дышали, а я думала и перекручивала и так и сяк слова сказки. Все спорила сама с собой: чудище оказалось благородным, а человек – злым. Нет. Люди добрые, любящие. Я знаю! Только постороннего часто принимают с осторожностью. Вот, например, в школе на нас как на чужаков глядят. Да, в целом, так и есть, мы приезжаем раз в три месяца отметиться. Настя за нами, как квочка за цыплятами. Всегда волновалась, чтобы нас не обижали. Но ведь это не значит, что она злая.

И вновь завертелись рассуждения о сказке. Чудище и батюшка поступили плохо... Или нет? Батюшка о любимых дочерях заботился. Чудище наказало за сорванный цветок. А

сестры так легко, как будто чужую, отправили младшую на суд чудища!

Не это ли проявление безразличия? А ведь оно не меньшее преступление, чем намеренное предательство. Родственное предательство! Страшно. Тут я вздрогнула от неприятного чувства и прижалась к Шурке, а та зашевелилась и повернулась на бок, ко мне спиной.

Подходила я к своим мыслям то с одной стороны, то с другой. То понимала героев, то осуждала, и в завершение так запуталась, что пришла к такому решению: сказки на то и даны, чтобы правильные мысли в голове рождались. Чтобы мы добру учились. А то, что сестры разделились, так это обычная жизнь.

Вдруг мне опять стало страшно.

Я не хотела думать о том дне, когда мы с сестрами вдруг разделимся. Вот кто знал, что отца заберут на фронт? А ведь случилось. Эта внезапность способна и нас разлучить! Плотнее прижавшись спиной к Шурке, я переживала в сознании уже неясные, спутанные мысли и вскоре уснула.

Глава 4

Лето мы провели в ожидании. Изю дня в день, тайком друг от друга, выглядывали за калитку на улицу в надежде увидеть отца, идущего по ровной, накатанной дороге. Мое воображение рисовало именно такую картину. Может, сестры представляли его возвращение как-то иначе – мы никогда не обсуждали это.

Дедушка приходил вечерами, ужинал, перед сном сказки рассказывал. Мы особенно полюбили «Аленький цветочек». Каждый раз эта история вызывала во мне новые мысли.

Занимались хозяйством, заготовками на зиму и ожидали поездку в соседнюю деревню. Дедушка планировал закупиться в магазине, а нас отвезти отметить в школу.

Мы уж второй год как занимались по начальным учебникам. Хоть Настя знала чуть больше, и читать мы уже умели, а вот грамотному письму и вычислениям научиться непросто, особенно когда приходилось все осваивать самостоятельно.

В первую сентябрьскую неделю поездка в деревню Расховец не состоялась. Мы всей семьей починяли телегу. Слетело колесо. Следующую неделю дедушка провел в колхозе. Начался сбор урожая. Затем занимались заготовкой дров. Времени на поездку в школу не оставалось. К концу сентября начались дожди. Дороги поплыли.

Откладывать поездку больше было нельзя, иначе при-

шлось бы ждать, когда стукнут морозы и земля затвердеет.

Следующим утром мы встали раньше обычного, за окном еще было темно. Позавтракали, надели самые красивые наряды. Мое теплое синее платье с ажурным воротом стало немного короче, но еще было впору. Теплые подштанники, шерстяные носки с рисунком. Пальто, доставшееся мне от Шурки, положила на табурет и принялась собирать в сумку старые учебные книги.

Вспоминался случайно подслушанный разговор между дедушкой и дядей Ваней: его сын Васька Полянский должен был ехать с нами в школу. Отмечаться. Но он заболел. Вообще Васька редко выходил на улицу, с нами не общался. Загадочный мальчишка.

Говорили они и о том, что немецкие войска захватывали все больше Курской земли⁵. Подкрадывалась ближе. Вести о

⁵ Рассказывает заместитель директора Государственного архива Курской области, кандидат исторических наук Виктор Раков. Как оккупировали Курскую область. «Сразу отметим, что границы Курской области в 1941 году были намного шире современных. Они включали в свой состав часть территорий нынешних Орловской, Белгородской и Липецкой областей. В административно-территориальном отношении область делилась на 66 районов. На тот момент в Курской области проживало более 3 млн 100 тысяч человек. Оккупация Курской области осуществлялась в два этапа. Первый этап приходится на период битвы за Москву, которая начинается 30 сентября 1941 года. Боевые действия на территории Курской области развернулись с начала октября 1941 года. Уже 5 октября немцы заняли два районных центра – Крупец, Рыльск. 6 октября фашистские войска были в Хомутовке, 8 октября – в Дмитриеве. В ходе немецкого наступления с октября по начало декабря 1941 года были оккупированы территории 50 районов Курской области. Немцами были заняты области до нынешнего Советского

событиях на фронте дядя Ваня узнавал по радио, конечно, без особых подробностей, но всем, о чем слышал, делился с деревенскими.

На самом деле о деталях войны никто не забывал, и говорили все тише и реже, как будто боялись притянуть зло. Выходило, что все вокруг переменялись, больше стали молчаливыми. Вернее, задумчивыми, как Шура. Пустых слов понапрасну не бросали. Казалось, что нам открылся другой мир, опасный, холодный, но в то же время ощущение духовного единения дарило свет этому миру.

– Только время понапрасну теряем, – заявила Шурка, отвлекая меня от мыслей. – Вот встретят нас, отметят явку. Ну выдадут новые задания, а толку-то? Какое это учение? Лучше за грибами бы пошли.

– Грибы – это хорошо. Завтра и пойдем, – заметила Настя.

– А мне нравится учиться, – вступила я в разговор, – жалко, что в нашей деревне нет школы.

– Да кто же против? Я говорю о пользе, а тут ее нет, только трата времени. Вот если бы каждый день туда ездить, – задумалась Шурка, – но увы, – состроив важную гримасу разочарования, закончила она.

Выехали мы рано. Настя аккуратно управляла телегой, лошадей не торопила. Рытвины спрятались под лужами. Когда колеса проваливались в ямы, боялись, что перевернемся. До деревни Расховец обычно ехали около часа, а по такой доро-

ге выйдет все два.

– Главное, не потерять недавно пришитое колесо, – иронично заметила Шурка, когда телега в очередной раз накренилась набок.

– Главное, не потерять кого-то из нас, – телегу снова трянуло, и я чуть не вывалилась за край. Шурки ухватили меня за ноги. Все затихли. Так в молчании и проехали оставшийся путь.

Оставив лошадей на заднем дворе школы, мы вошли в фойе.

Встретила нас Светлана Федоровна, завуч. Она всегда занималась нами.

– Доброе утро! – проговорила она медленно. – Увидела вас в окне. Хорошо, что приехали, – Светлану Федоровну все слушали с интересом, несмотря на то, что она с особым вниманием озвучивала каждую букву и ее речь выходила чересчур медленной. В своем почтенном возрасте она не носила очков и всегда наряжалась в похожие костюмы, только цвета менялись. Сегодня завуч была в коричневых юбке ниже колен и пиджаке, в туфлях на низком каблуке.

Коридор пустовал, шли занятия, поэтому детей мы не встретили. Что было хорошо. Никто на нас не глазел, как на отшельников. Светлана Федоровна проводила нас в свой кабинет. Села за стол, заваленный бумагами, разными журналами и спросила:

– Насколько я знаю, вашего отца забрали на фронт, за ва-

ми приглядывает дедушка. Все так? – она пристально глянула на нас.

Мы, как есть, все рассказали и увидели на ее лице удовлетворение. Она не стала углубляться в наше житие: в целом подобное сейчас встречалось практически в каждой семье. Главное, что о детях есть кому заботиться. Мы немного позанимались грамотой, письмом и чтением. В букваре на пятьдесят шестой странице прочли по очереди любопытные фрагменты:

«Ленин»

«Для нас он был

Вождь,

Учитель,

Друг,

Мы идем по пути,

Который указал нам Ленин.

Так говорят рабочие всех стран,

Так говорят коммунисты всех стран».

«Сталин»

«Сталин – лучший ученик Ленина.

Вождь партии большевиков.

Вождь рабочего класса всего мира.

Вождь нашей страны⁶».

Да, я всегда с интересом разглядывала картинки с пионе-

⁶ Афанасьев П. О., Костин Н. А. Букварь. Государственное учебно-педагогическое издательство, М., 1934. С. 56.

рами. И каждый раз надеялась, что когда-нибудь я им стану.

Уже к обеду нас отправили домой. Время за занятиями пролетело незаметно. Я с неким разочарованием села в телегу.

Ухабистая дорога, казалось, еще сильнее размокла. Колеса то и дело увязали в грязи, лошади чавкали копытами в жиже. Ехали мы медленнее, чем утром. Я проводила взглядом пустырь. Дедушка рассказывал, что раньше, очень давно, там стояла церковь. Ее разобрали. Теперь же это место поросло сорняком. Эти осенние виды вовсе нагнали тоску.

Долго мы ехали.

Вдруг телегу дернуло и повело на левую сторону, мы едва удержались. Колесо, которое недавно починили, угодило в глубокую яму. Лошади занервничали, потянули вперед, да только не выходило ничего.

– Слезайте, слезайте с телеги, – скомандовала Настя, не выпуская из рук поводья.

Мы спрыгнули в грязь. Привалились к наклонившемуся боку телеги, постарались поднять. Настя управляла лошадьми. Телега чуть подалась вперед, да тут же ухнула назад. Мы попробовали еще раз, но наших сил не хватало.

– Идите за дедушкой, я здесь останусь, – сказала Настя. – Только поторопитесь.

– Пусть Шурки идут, что одной оставаться? – начала я и уже хотела забраться в телегу, но Настя меня остановила:

– Лида, холодает, скоро темнеть начнет, скорее идите.

Больше не сказав ни слова, мы побежали в сторону дома. Запыхавшиеся, грязные и мокрые, останавливались редко, лишь перевести дыхание, и дальше бежали. Я все оглядывалась назад, надеясь увидеть поспевающую за нами Настю на выбравшейся телеге. Но видела лишь образ лошадей и ссутулившейся на накренившейся телеге сестры, напоминающей Аленушку у реки. Эта картина все мельчала, а вскоре и вообще спряталась за горизонтом. Размытая дорога и темно-серое небо соприкоснулись. Потускневшая поляна, облысевшие кусты и деревья пугали своей холодностью и безразличием.

Закрапал холодный мерзкий дождь. Усталость ощутимо жгла ноги. Одно радовало, что уже виднелись соломенные крыши домов. Другое пугало: «Как же там Настя одна под дождем?»

Мы влетели в хату дедушки, но его там не застали.

– Что же делать? – выдохнула испуганная Шура. – Верно, он еще в колхозе.

– Надо просить соседей. Пойду к дяде Ване, – сообразила я. Ринувшись к выходу, уткнулась в чей-то живот.

– Вы где были, что стряслось?! – дедушка оглядел нас.

Мы виновато смотрели в ответ. Верхняя одежда и подолы платьев были испачканными и мокрыми. Даже на лице ощущалось, как подсыхали брызги грязи.

– Быстро домой переодеться, – велел он и пробубнил еле слышно: – Не зря баню затопил.

Представив аромат распаренных бревен, березовых веников, жар бани, я наконец почувствовала, как сильно замерзла. Мокрые подштанники приклеились к коленям, а руки от холода как будто стали липкими. Но, тут же опомнившись, я рассказала о произошедшем.

Дедушка, не мешкая, проводил в нашу хату – переодеться и дождаться, когда растопится баня. Сам пошел к соседу, через час все вернулись.

Наша четверка ринулась в баню. Настя замерзла. Ее посиневшие губы подрагивали, и она улыбалась, скрывая эту дрожь. Стоило шагнуть в парилку, как нас обдало горячим паром. Тело расслабилось, наполняясь теплом. Горячий воздух обжигал ноздри.

– Вот так приключения сегодня, – растягивая слова, сказала Шурка, усаживаясь на горячую скамью.

– Сейчас будем греться, – распаривая веник, ехидно глянула на нас Настя.

И как хлестнула меня по ягодице – я аж взвизгнула. Все закатились смехом. Настя шлепнула Шуру, потом Шурку. Мы прятались друг за другом от кусачего веника.

Разогретые, с румяными щеками и чуть ли не парящими волосами, вышли в предбанник, надели чистую теплую одежду и побежали в дом.

Крепко поужинали и завершили вечер травяным чаем и сухарями. Укутались в теплое одеяло и улеглись в ожидании сказки, но в этот раз дедушка тонким голосом запел песню.

Утро было мрачным и сырым. Мы вчетвером ушли за грибами. Середина октября ледяным дождем смыла последние следы тепла.

Вглядываясь в полысевший лес, мы не видели ему ни конца, ни края, зато заметили, что кое-где деревья все же сохранили зеленые и пожелтевшие листья. Мы знали, что в лесу живут разные звери: и безопасные, как зайцы, и опасные. Настя рассказывала, как летом по дороге ко мне в больницу встретила волка. Хорошо, хромой был, а то закончилось бы все плохо.

Так мы по краю леса и ходили. Маслята, опята. Грибов разных набрали. В этом году настоящее изобилие. Дома и на сушку повесили, и в кадушках замочили, и в печи запекли на ужин.

Так проходил день за днем. От отца не пришло ни весточки. Но мы все продолжали просыпаться с надеждой в сердце. Заготовки на зиму спустили в погреб. Дедушка привез еще дров и ровно уложил под навесом. Медленно приближался декабрь.

Глава 5

Зима-кудесница, хоть щедра на чудеса, а кусалась морозом нешуточно. Не встречали мы еще таких холодов.

По утрам, когда ленивое солнце только трогало хмурую тень, мы занимались наукой. Настя кое-что объясняла, что-то мы сами разбирали. Случалось, что никто не понимал задание, так его и оставляли.

После занятий готовили обед. Вместе выходили во двор, освобождали засыпанные снегом дорожки, чистили в конюшне и у Марты. Кормили живность. В целом всегда было чем заняться. Мы привыкли жить с мыслью о войне, бушующей поблизости. Привыкли со всем справляться вчетвером. Даже чувства тревоги, волнения и ожидания отца спрятались глубоко в сознании и задремали, только изредка пробуждались, напоминали о себе в минуты, когда мы оставались наедине с собой.

Сегодня праздничное утро выдалось солнечным. В хате тихо шептала печь, раздавая тепло. За ночь дорожки снова замело. Мы с Шурками собирались на улицу.

Я закуталась в старую шаль, нырнула в свободный ватник. Глянула в окно, за плетеными на стеклах узорами, сверкающими на солнце, двор не увидела.

«Как это у Мороза так красиво выходит рисовать? И ледяные водоросли, и ажурные снежинки, и сосновые пушистые

ветки. Вот бы так самой научиться», – думала я.

– Лида, ну быстрее, жарко же, – фыркнула Шурка, похожая на колобка в своих одежках. Она наклонилась, натянула на онучи лапти, еще отцом плетенные, казалось, вот-вот свалится на бок и покатится навстречу приключениям.

– Иду, – хихикнула я и глянула на сестер.

Шура и Шурка, хоть носили имена одинаковые, а внешне разными были. Вот и сейчас рядом стояли и смотрели на меня каждая по-своему.

Шура – двоюродная, ниже ростом, лицо немного вытянутое. Красивое. Глаза большие, нос ровный аккуратный, губки как нарисованные. Будто Варвара-краса на меня смотрит.

Родная Шурка в цветастом платке, завязанном под подбородком, напоминала матрешку. Подчеркнутые выдающиеся скулы делали взгляд строгим, но я-то знала, что душою она добрая и жизнерадостная. В этом мы с Шуркой были похожи, на то и родные.

Я улыбнулась им. Натянула растянутые лапти, закрепила на ноге тесьмой, и мы наконец-то выкатились на крыльцо. Настя лошадей, Марту и коз уже накормила. Ждала нас. Не успели мы спуститься с крыльца, она тут же вручила три лопаты и пошла к курятнику. Рассыпала по загону зерна, ловко ухватила рябую курицу за крылья и понесла ее к навесу, где дрова лежали.

Вдруг мне в плечо прилетел снежок и рассыпался, оставив белый отпечаток. Снежные брызги на щеке, пощипывая,

таяли.

Пока Настя заботилась о сегодняшнем праздничном столе, Шурки решили порезвиться. Закатились звонким смехом и зарядили в меня еще снежком. В тесной одежде мне все же удалось увернуться. Зачерпнула в ладони снега, быстро скомкала и кинула в ответ. Шагнула назад. Оступилась об угол нижней ступеньки крыльца и бухнулась в мягкий сугроб. По бокам плюхнулись Шурки. Мы на миг замерли, заглядевшись на голубое ясное небо.

– Девочки, простудитесь! Вставайте! – крикнула Настя из-под навеса. – К приходу бабушки нужно все успеть!

– Ладно, ладно, – пробубнила Шурка. Встала, отряхнулась, помогла и нам подняться.

Мы взяли лопаты и разошлись на три дорожки. Шурка чистила за курятником к заднему двору. Шура – с другой стороны, к навесу. Я расчищала тропу к калитке, что вела на улицу.

Вроде бы работа согревала, а все одно мороз лизал щеки и нос. Я оглянулась: снег играл блестками, отражая поцелуи солнца. Из трубы на соломенной крыше хаты валил густой белый дым и плыл в высоту, растворяясь в небесной пучине. Еще одно зимнее чудо.

Я вспомнила прошлый декабрь, когда отец и сварливая мачеха суетились по хозяйству. А мы хватали ледянки и бежали к ложбине за деревней. Отец сам ледянки мастерил из старых плетеных корзин. Обмазывал дно коровьим пометом,

обдавал на морозе водой, они тут же леденели – и готово.

Обычно у ложбины мы останавливались, глядели по сторонам. Любовались.

На белом зимнем полотне облысевшие деревья казались тенью искореженных, угрюмых чудищ. Эти чудища разбрелись и замерли, окружив деревню. А за ними виднелись бесконечные родные просторы. Наш луг, за ним – река Кшень. Ее, конечно, мы не видели, но знали, что она за бугром. С другой стороны чернел лес, где жил хромой волк. И едва проглядывалась засыпанная снегом дорога, что вела в Расховец.

С сестрами мне было весело, но в прошлые годы эта радость соседствовала с болью утраты. После похорон мамы смерть как будто затаилась на пороге нашей хаты и вскоре забрала младшую сестренку Аню. Она умерла от кори. Какое нам было с этим справиться? Наверное, мы до сих пор с этим справляемся. Жизнь все время приносила новые испытания, а мы все крепче держались друга за друга.

Потом в наш дом пришла Аглая Михайловна. Мачеха не очень-то нас любила, но мы с сестрами вдоволь дарили это чувство друг другу. Да и отец никогда не обделял вниманием и заботой.

И вот, налюбовавшись зимними пейзажами и обдумав все, мы садились на ледянки и неслись прочь от грустных мыслей, веря, что все будет хорошо.

Неприменно всем будет хорошо. Солнышко улыбнется

каждому.

Теперь все пережитые события подначивали рассуждать по-иному. Прошлые зимние забавы и местные пейзажи уже не приносили былой радости, спокойствия и наивной беззаботности.

Каждое утро приносило все новые мысли и наблюдения о тяготах взрослой жизни. Как не остаться голодными? Как не замерзнуть в холодной хате? Ведь следить за печкой и дымоходом не легкое дело. Нести ответственность за сестер, за дом, за скотину. Раньше все эти заботы лежали на плечах отца и мачехи. Доставалось и Насте. Нынче же все мы приняли на себя будничные обязательства. Неосознанно. Как само собой разумеющееся. С сестрами этими наблюдениями я не делилась, думаю, они сами все замечали.

– Лида! – окликнула меня Настя, возвращая из воспоминаний. – Ты решила убрать весь двор?

Я оглянулась: и правда, увлекшись мыслями, не заметила, как расчистила широкую дорожку от хаты до калитки.

– Пойдем в дом, – позвала она и вошла в хату.

Я поспешила за ней. От тепла печки начали покалывать пальцы и щеки. Лицо налилось румянцем. Я скинула лапти, ватник положила на койку, где обычно спал отец, размотала онучи и прошла к обеденному столу.

Сегодня, в последний день уходящего года, мы занимались приготовлениями. Хотели по достоинству встретить 1942 год. И каждый из нас надеялся, что он принесет мир и

вернет отца домой.

Настя суетилась у печи, что-то готовила. Шуры на столе растрепали вату, которая напомнила пуховые облака. Казалось, что они сейчас взлетят к потолку и закружатся в скалочном танце.

– Помогай! – позвала меня увлеченная процессом Шура. – Вдень нитку в иголку.

Мы соорудили гирлянду из ваты. Прикрепили ее на окошки. Нарисовали на старом газетном листе улыбающегося снеговика, повесили на дверь. Из сухих шишек собрали бусы. Украсили печь под нашей ложей.

Жилище заиграло праздничным теплом и любовью. Наполнилось запахами жареной курицы, картофеля. Сладкой выпечки.

В завершение достали из сундука скатерть с маминой вышивкой. Накрыли стол.

Уже вечерело, мы вышли на улицу. Накормили скотину. Спустились в погреб. Набрали из кадушек соленья.

Когда все уже было готово и стол ломился от вкусной еды, в хату вошел дедушка. В руках у него похрипывала гармошка.

– Какие вы умелицы, – оглядев хату, похвалил он.

Поставил гармонь на табурет и присел к нам за стол.

– Дай силу, чтобы на каждом столе в каждой семье был такой ужин, – сказал он, накладывая в тарелку курицу и картошку. – Вижу, день у вас прошел плодотворно. Ну, расска-

жите, что ждете от наступающего года?

Мы переглянулись, уплетая ужин, никто не решался заговорить первой.

– Что ожидаешь ты, дедушка? – спросила я, а между тем думала, что ответить самой.

– Ох, милые, – начал он и задумался, – чтобы мы все рядом были, чтобы беда не пришла в наш дом, – немного помолчал и добавил с непривычной ему грустью, – чтобы отец ваш вернулся. Ну а ты, Лида?

– Чтобы грачи прилетели весной и луг наш зацвел пуще прежнего. Чтобы к каждой семье, кто ушел, как папа, вернулись.

– А вы снеговика лепить-то будете? – переменял он разговор.

– Про снеговика мы совсем забыли, – выпалила Шурка.

– Обязательно слепим, – улыбнулась Настя.

– Дедушка, а ты в детстве лепил снеговиков? – спросила Шура и положила на тарелку морковный пирог.

– Тогда он нам был незнаком. Мы лепили все, на что хватало фантазии, – засмеялся он, – однажды вылепили неизвестное создание. Глаза приделали на пузо, нос на макушку, а рот на спину – и обозвали Чудой-Юдой.

– Как в сказке про аленький цветочек? – спросила Шура.

– Нет, – протянул он, – это было наше чудище.

Так мы весь ужин и проболтали, а после дедушка взял гармонь и начал петь:

«Вдоль по улице метелица метет,
Скоро все она дороги заметет,
Ой, жги, жги, жги, говори,
Скоро все она дороги заметет»⁷.

Заиграл проигрыш, резвый, веселый. Мы подскочили из-за стола, взялись за руки и закружились по хате. А дедушка тем временем продолжил:

«Запряжем-ка мы в сани лошадей,
В лес поедем за дровами поскорей,
Ой, жги, жги, жги, говори,
В лес поедем за дровами поскорей».

Позже зашли в гости соседи. Дядя Ваня с женой и сыном. Галина Васильевна с Варей. Даже Сорокины наведались. Их малец бегал по хате и норовил что-то схватить, сломать.

Так мы и встретили 1942 год!

⁷ Русская народная песня «Метелица».

Глава 6

Шел январь уже как третью неделю. Наступивший год своей тишиной дарил все больше теплых надежд, несмотря на усилившиеся морозы. Мы принимали их и продолжали любоваться снежной зимой.

Середина дня выдалась серой. Хмурые облака затянули небо. Да не туман опустился на деревню, а ветер поднимал снежную пыль. В этот ненастный день мы лепили снеговика.

У меня же ничего не получалось. Снег был рыхлым, крошился. Долго я мучилась, но все же вылепила шар. Аккуратно его подняла. Смотрю, сестры уже собрали снеговика. Расстроившись, что так отстала, побежала к ним. Провалилась ногой в сугроб. Выронила голову снеговика, и она развалилась.

– Что за день, – прошептала я, поднимаясь.

– Ничего, – выкрикнула Настя, – наших хватит. Смотри, Шуры уже вылепили ему лапти.

Я вздохнула, окончательно отчаявшись. Настя снеговика из шишек сделала глаза, уж было воткнула морковку-нос, как вдалеке что-то страшно зарычало. Приближался такой гул, что, казалось, из колхоза к нам едут разом все тракторы.

Настя бросила морковь и быстрым шагом пошла к калитке. Мы за ней.

Вышли на улицу, смотрим – и соседи выглядывают, при-

валившись на заборы. Впереди, сквозь снежную морось, казалось, летел рой саранчи. Да так быстро к нам приближался.

Настя попятилась назад, загородив спиной обзор. Не оборачиваясь, подтолкнула руками к калитке. Я испугалась, узнав рев мотоциклов. Выглянула из-за спины сестры. В голове пронеслось: «Война! Чужаки!»

От страха тело заледенело, удары сердца почти не чувствовала, будто оно вовсе остановилось. Сдавило грудь. Заныло в животе.

Настя развернулась к нам:

– Все в дом, быстро! – скомандовала она.

Мы ринулись к хате. Не разуваясь и не снимая ватники, прилипли к окошку. Деревенские тоже попрятались по домам. Чужаки ехали в глубь улицы нескончаемой чередой. Мы сбились на пятнадцатом мотоциклете.

Два крайних тарантаса остановили у нашего двора. Четыре мужика в тонких плащах, фуражках и осенних сапожках вошли во двор.

Строго насупившись, резкими движениями шагали друг за другом по узкой тропинке к хате. Только первый чужак прошел мимо безносого снеговика, как у того слетела голова и плюхнулась позади него. Чужак остановился, оглянулся. Мы тем временем кинулись к печке, как будто она нас защитит, спрячет.

Мы вжались в угол, когда дверь раскрылась настежь, впуская холод и страшных мужиков. Зима остудила вмиг хату, и

тень накрыла комнату. Тот, что шел первым, бросил на нас колкий, ледяной взгляд. Его острые черты лица пугали. Он заговорил на непонятном грубом языке. Видно, главный.

Чужаки разошлись по разным углам, обшаривая все в хате, как будто кого-то искали, но, не найдя никого, главный указал на сундук и опять что-то сказал. Подошел к столу, на котором лежал испеченный утром хлеб, отломил горбушку и жадно откусил.

Его подчиненные вытащили из сундука вещи отца и все белье. Соорудили большой узел, сложили в него тряпки. Даже хлеб и скатерть с маминой вышивкой забрали, а после вышли.

Мы застыли, как будто вросли в тот угол. Молчали. Смотрели, как заговоренные, в открытую дверь. Только когда совсем замерзли, зашевелились, и новая волна страха завозилась в груди.

Настя опасно шагнула вперед. Оглянулась на нас. И резким рывком закрыла дверь на крючок и засов, зашторила окна. Присела на лавочку у обнаженного стола.

Мы боялись выглянуть в окно. С улицы все время доносились чужие, пугающие крики. В тот вечер мы не ели. Печь давно прогорела, а затопить мы боялись. Вдруг привлечем внимание пышущей трубой. Не снимали верхнюю одежду. Было холодно, и пар валил изо рта. В хате было темно, но никто не думал жечь лучину. Мы прислушивались к каждому шороху и вздрагивали.

Так пришла полночь, как вдруг с улицы послышались звуки шагов. Громкий хруст снега. Этот звук, может, и был едва слышным, но сейчас казался страшным предвестником беды.

Мы вскочили, прижались друг к другу. Не знали куда бежать, где спрятаться. Раздался тихий стук.

– Девочки, это я, – прошептал в дверь знакомый, родной голос.

Настя робко прокралась к окну. Опасливо выглянула. Отперла дверь. Дедушка вошел и тут же за собой заперся на засов. Вместе с Настей подошел к нам и тихо заговорил:

– Вас немцы не обижали? – пощупал Настю и нас по очереди, словно хотел сам убедиться, что все живы и в порядке. – Холодные, голодные, – прохрипел дедушка.

– Все хорошо, – подрагивающим шепотом ответила Настя.

– Хорошо, хорошо, – повторял задумчиво дедушка и огляделся по сторонам, – надо печь растопить...

– Завтра, все завтра, – сказала Настя, как будто успокаивала и себя, и нас. – Может, они уйдут. Что тут делать, в глуши? – с надеждой прошептала она.

– Будем верить в это, – согласился дедушка и глянул на окно, – вот бы отправить вас в безопасное место, подальше отсюда.

– Мы не уйдем! – прошипела Шура. – Без тебя никуда не уйдем.

Он молча отвернулся и пошел к двери, тихо пробубнив:

– От меня тут толку больше будет. Дом беречь, хранить до вашего возвращения. Дай Бог, и сын вернется.

– Останься с нами, – попросила я, испугавшись, что он уйдет.

– Пожалуйста, – почти в один голос сказали Шура и Шурка.

Дедушка и не собирался оставлять нас одних. Проверил, хорошо ли заперта дверь. Накинул крючок. Тяжело вздохнул. И украдкой выглянул в окно.

Темнота и холод окутали эту ночь. Внутри, где-то в душе, возился липкий, отвратительный страх. Мысль, что по соседству спит чужак, незнакомый, непредсказуемый, не отпускала. Как враги поступят завтра, что будет с нами? Эти вопросы усиливали леденящую тревогу в душе. Даже пустой желудок скукожился и не требовал еды.

Дедушка прошел к койке отца. Присел. Она жалобно скрипнула. Мы вздрогнули то ли от того, что прислушивались, как околдованные, к пугающей тишине, то ли от неприятного звука, что пронзил покойный воздух.

Устроившись на печи, мы тесно легли бок о бок и крепко сжали друг друга за руки. Ноги замерзли, даже онучи не спасали. Внутренняя дрожь, в напряжении скованные мышцы изводили и тело, и мысли. Только когда дедушка запел тихим, едва слышным тонким голосом, расслабились плечи, глубокий вдох поднял грудь, хватка наша разжалась. В пальцах появилось легкое покалывание:

«Ветер горы облетает, баю-бай,
Над горами солнце тает, баю-бай,
Листья шепчутся устало, баю-бай,
Тихо яблоко упало, баю-бай,
Подломился стебель мяты, баю-бай,
Желтым яблоком примятый, баю-бай,
Месяц солнце провожает, баю бай,
По цветам один гуляет, баю-бай»⁸.

Вдруг стало тихо-тихо. Доносился едва слышный шепот зимы. Дедушка недолго помолчал. Видимо, ему, как и нам, не спалось. Он продолжил петь:

«Ой, да не вечер, да не вечер.

Мне малым-мало спалось.

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось...

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось...

Мне во сне привиделось,

Будто конь мой вороной

Разыгрался, расплясался,

Ой, разрезвился подо мной.

Ой, разыгрался, расплясался,

Ой, разрезвился подо мной...»⁹

Долго мы слушали песни. Разные мысли сновали, не оста-

⁸ Русская народная колыбельная «Ветер горы облетает».

⁹ Русская народная песня «Ой, да не вечер».

навливаясь ни на минуту. Страх отпустил, но не ушел, за-
таился в тени сознания. Стоило открыться воспоминаниям
о сегодняшнем дне, как он пробуждался, заставляя быстрее
биться сердце. Но мы все же надеялись, что следующим днем
немцы уйдут из деревни.

Тихое утро надежды пронзила ругань кур. Рев Марты.
Беспокойное лошадиное ржание. Бедная наша живность.

Они, как и мы, оголодали. Со вчерашнего дня никто их не
кормил. Настя первая зашевелилась на печи. Я хотела при-
встать, но тело пронзила боль. Руки и ноги затекли. Онеме-
ли от холода. Пошевелила пальцами, покрутила кистью. Ря-
дом Шурка потянулась, видно, тоже страдала. Кое-как спу-
стились с печки.

Неуверенными и слабыми шагами пробрались к окну.

На улице не увидели ни души. Как будто вымерла дерев-
ня. Дедушка спал. Мы накрыли его ватником и осторожно
вышли во двор.

Вместе, не разделяясь, всех накормили. Собрали дров по-
больше и аккуратно сложили у печи.

Дедушка проснулся и принялся растапливать печь. Мы
пошли в ледник, также вчетвером. Достали картошки и ма-
ленькую кадушку квашеной капусты.

Возвращаясь, я заметила, как валит дым из трубы сосед-
него заброшенного дома. Теперь низкий, разделяющий нас
забор казался бесполезным. Дверь противно прохрипела. На
крыльцо вышел высокий, худой мужик в шубейке совсем не

по размеру. Она болталась на нем, как на тонкой вешалке. Ноги его были обмотаны в скатерть, а ее края неряшливо заправлены в сапоги. Я узнала мамину вышивку...

«Петух космоногий», – подумалось мне. Тут немец глянул на нас острым взглядом. Картошка чуть не вывалилась из рук. Мы засеменяли к хате. Спрятавшись за дверь, закрылись на все засовы.

Дедушка уже растопил печь. Хата медленно наполнялась теплом, вытесняя зимний холод.

Глава 7

Немцы. Петухи космоногие, так теперь их называли, через пару дней заняли дом дедушки. Начали хозяйничать в деревне. Забирали гусей, кур, шарили в погребах. Дрова растащили, оставив лишь горсть.

Ночью из-под навеса мы эту горсть забрали и уложили за печкой. Но понимали: если космоногим будет нужно, они и это заберут.

Сегодняшним вечером, уже по обычаю, мы опасливо вышли во двор кормить оставшуюся скотину. С улицы донеслись шум, гогот, чужая речь. Мы на корточках проползли к калитке. Чуть приоткрыли ее и ужаснулись от увиденного.

Толпа петухов космоногих, как на представлении, растянулась поперек дороги. Немец в шубейке топтался вокруг дяди Вани – соседа дедушки. Остановился за его спиной. Взмахнул длинным тонким стальным стержнем и ударил дядю по ногам:

– Где прачет! – выкрикнул на корявом русском. – Каммунысты где?! – потребовал он ответа.

– Нет у нас коммунистов, – простонал дядя Ваня, тяжело вставая, – а если и были бы, вам не сказали!

Шубейка ударил по спине, заставив выгнуться дугой.

– Русская гадина, – он обошел его и плюнул в лицо. Ударил стальным стержнем по животу.

Дядя согнулся пополам. Тяжело задышал.

– Заколю, не кажишь, – угрожающе взмахнул стальной палкой, та аж просвистела морозом.

– Нету тут их. Откуда в нашей деревне им взяться? – снизу глянул дядя на чужаков и получил удар по спине. Он упал ничком на заснеженную дорогу. Упираясь руками, хотел опять подняться.

Толпа смеялась, выплевывала грязные, чужие слова. Ликовала.

Шубейка пнул дядю. Перешагнул через него. Махнул рукой в толпу, что-то гаркнул, и немцы разошлись в разные стороны. В нашу двинулись трое: коренастый с рыжей густой бородой, за ним семенил длинноногий в фуражке и тонком плаще, а впереди шагал Шубейка. Мы быстро проползли по двору, забежали в хату и на печь залезли. Дедушка к двери ринулся – закрывать...

– Не успел, – прошипел он, когда навстречу вошли петухи космоногие.

Шубейка толкнул дедушку в грудь. Тот упал на копчик и хотел было встать, но получил стальной палкой по голени. Мы разом зажали рты руками, я почувствовала, как задыхаюсь от подступающих слез, страха и злости. Я никогда не испытывала такой ненависти.

– Где каммунысты? – опять спросил Шубейка.

– Нету тут таких. Нету, – прохрипел дедушка.

– У-уф, – прорычал тот, замахнувшись палкой, но не уда-

рил. Глянул на нас и вышел из хаты. За ним пошли борода-
тый и тот, что в фуражке.

Дедушка поднялся и похромал к столу. Присел на лавочку, мы подбежали к нему. Дружно обняли. Так хотелось его защитить, прогнать немцев. Только были бы силы.

Вдруг услышали, как куры квохчут и аж взвизгивают.

– Опять хозяйничают! – прошипела Шурка. – Чтоб им поперек горла мясо встало.

– Да пусть забирают, – прошептала Шура, притулившись к дедушке, – и уходят восвояси! А мы еще разведем кур. Да, дедуль?

– Конечно, моя хорошая, – ответил он и закачал головой, – испугались?

– Разозлились, – ответила я за всех.

Дедушка хмыкнул.

Когда куриный переполох утих, мы выглянули в окно. Во дворе никого. Приоткрыли дверь, глянули по сторонам. Страшный соседний дом, когда-то пустующий, содрогался от галдежа, криков, стуков, гогота.

Мы пробрались к загону. Кур больше не осталось. Одна лежала на грязном снегу и не шевелилась. Настя забежала туда, схватила курицу, спрятала ее под ватник – и обратно к нам.

Обошли дом к навесу, заглянули в ледник. Бочки с зерном и овсом были опрокинуты. Спустились в погреб. Под ногами валялись щепки разбитых кадушек, но на полках все

же стояли несколько нетронутых с огурцами и грибами. Внизу стояла бочка с квашеной капустой. В хату ее не унесем, слишком тяжелая, да и немцы могут увидеть. Забрать. Побоявшись этого, мы перекатали ее в темный угол. Я схватила кадушку с грибами, поставила рядом. Все это добро мы завалили разной ветошью. Надеялись, что когда петухи космоногие будут хозяйничать, то не найдут наш тайник.

Уже в хате, глядя на остатки дров, Настя спросила:

– Как же нам теперь зиму пережить?

Только приближался февраль. Еще два месяца холода. А немцы не спешили уходить.

– Подгадаю момент и тайком схожу в колхоз, может, на складах чего полезного сыщу. Хотя партизаны¹⁰ наверняка уже давно там порядок навели, – ответил дедушка.

Семья еще долго что-то обсуждала. Я присела на край лавочки и задумалась о своем.

Страх, который кусал меня первые дни с момента появления в нашей деревне немцев, будто освоился внутри, удобно устроился и теперь редко беспокоил. Осознание уже случившегося и неизбежного помогали с ним справляться. Наверное, ко многому можно привыкнуть, не только к внешним переменам, но и долго не уходящим чувствам.

Сегодня страх вновь ошетинился, породив сильнейшую

¹⁰ Партизан – лицо, добровольно ведущее вооруженную борьбу за свободу и независимость своей страны в составе вооруженных организованных партизанских сил на территории, оккупированной противником, с использованием методов партизанской войны.

злость. Все случилось, когда Шубейка ударил дедушку.

Еще меня беспокоила неизвестность. Не отпускала ни на минуту. Я все время думала: что случится через час, что будет через неделю, какой будет весна? Что мы будем есть, когда немцы отнимут последнее? Чем будем топить печь? Разыгравшаяся морозами зима не пожалеет никого. Для нее мы все равные, хоть дети, хоть пришлый чужак. Замерзнем одинаково в муках. Но все же что-то дарило крохотную надежду, что мы справимся, что переживем это сложное время.

Пообедав куриным супом, каждый занялся своим делом. Дедушка взялся чистить печь. Настя занималась порядком. Шуры устроились на койке и перебирали саморучно сделанные игрушки. Я же за столом читала, вернее, перечитывала сборник сказок Пушкина. Как же все это напомнило о недавних временах.

Вот если не выглядывать на улицу и не прислушиваться к пугающим чуждым разговорам, то можно представить и вспомнить первые уютные дни наступившего года. В очередной раз меня поражала мысль непостоянства. Как, например, случилось в июне. Перед тем как я попала в больницу, наша семейная жизнь только начала налаживаться. Пусть мы сложно находили с мачехой общий язык, тем не менее забота отца и ее хозяйственность наполняли хату уверенностью в завтрашнем дне. И тут, как я вернулась домой, меня уже ждала другая жизнь. Мы тяжело приняли эти непростые пе-

ремены и так тепло встретили 1942 год, и тут нагрянули немцы, как гром среди зимнего неба. Теперь заново приходилось учиться жить с опасными соседями. Непостоянство настояживало. И хоть немцы держали в страхе всю деревню, выискивали коммунистов, били шомполами¹¹, но так-то никого не калечили и не убивали.

Точнее, убивали медленно, лишая людей еды и тепла.

К началу февраля вся деревня знатно истощилась. Правда, в погребах оставались еще какие-то запасы. Кадушки, которые стояли уже без крышек, наполовину опустошенные и брошенные за ненадобностью, мы сразу же использовали. Дрова теперь напоминали о себе лишь щепками и вмятинами на промерзшей земле под навесом. Кур не осталось. Радовали нас лошади: Гром и Агаша. Марта и ее соседки – две козы, наши молочные кормилицы.

Зима обозлилась еще пуще, но петухи космоногие не думали уходить. Как-то раз приехали другие немцы, а кто-то, наоборот, уехал. Показалось, что здесь они решили устроить перевалочный пункт.

Вторник первой недели февраля светил ярким солнечным светом аж сиял, крепко схваченный морозом. Желтизна озаряла ажурные узоры на окнах. Теперь я ими не любовалась. Не до этого нынче.

Мы сидели в ватниках у печи и ловили ее легкое дыхание,

¹¹ Шомпол – стальной стержень, длина которого не меньше длины канала ствола, предназначенный для чистки и смазки.

которое тут же растворялось в промерзшей хате. Мы бы хотели сберечь тепло, чтобы оно не рассеивалось над головами. Но, увы, непокорный воздух никому не подчинился.

Вдруг услышали знакомую возню во дворе. Опять немцы хозяйничали. Что они там делали? Брать уж нечего. Мы выглянули в окошко.

– Гром, Агаша! – вырвалось у меня.

Настя прикрыла мой рот прохладной ладонью.

Шубейка и рыжебородый вели лошадей к калитке. Гром пятился назад, фыркал, Агаша вырывала из рук узду. Не желали идти с ними. Но немцы настойчиво тащили их за собой, подгоняя шомполом. Наверное, в мотоциклетах закончилось топливо, да и по заснеженным дорогам на них не наездишься. Лошади все надежнее. А быть может, немцы совсем оголодали... Я встряхнула головой, не желая думать об этом.

Единственное, что щемило сейчас душу, – это чувство утраты. Как будто теряю важную часть семьи. Гром и Агаша прожили с нами долгих четыре года, я привыкла к ним. В сознании возникло редкое воспоминание глубокого детства. Там они еще были жеребятами. Отец на лугу их объезжал. Мама приносила ему обед, а мы украдкой наблюдали.

Я вырвалась из рук Насти и кинулась к двери. Мигом отворив засов, выскочила на крыльцо:

– Не трогайте их! – крикнула петухам космоногим. Распустившаяся злость, как пожирающий плющ, спутала все мои здравые мысли.

Агаша, услышав знакомый голос, сильнее попятилась назад, встала на дыбы. Гром заволновался. Шубейка обозлился, ругнулся на чуждом языке, но лошади его не понимали. Он замахнулся шомполом. Ударил Грома по морде и потянул за калитку. Кровавые капли окрасили заснеженную тропу.

Я опустилась на крыльцо. Последнее, что увидела перед тем, как закрыла ладонями лицо, – злость в глазах Шубейки. Этот взгляд пробрал меня до костей, пробудив спрятавшийся за злостью страх. Но его тут же перекрыла боль утраты от вида кровавых капель.

Хлопнула калитка. И я заплакала.

Казалось, с момента, как я выскочила на крыльцо, прошла целая вечность, а на самом деле – мгновение. За мной вышел дедушка. Поднял на руки и занес в хату.

Я плохо разбираю, что говорила мне Шура. Но почувствовала ее объятия. Не расслышала, что сказала Настя, но ощутила, как она взяла меня за руку. У меня же оставались перед глазами видение кровавых капель на снегу и чувство боли.

Если бы я не выскочила на крыльцо, Грома бы не ударили шомполом по морде. Ведь, услышав знакомый голос, он запротестовал, а за ним и Агаша. Конечно, невозможно угадать, о чем тогда думали лошади. Но что я знала точно, – Грому было больно!

Как прогнать эти жуткие мысли?

«Глупая, глупая Лида!» – твердила самой себе.

Зачем я выглянула в окно? Зачем выскочила на крыльцо? Неведение было бы спасением и для меня, и для Грома.

Вот как не застала я уход отца и мачехи. Не видела, а потому было легче. Что же это? Моя слабость? Милосердие? Или глупая наивность?

Все неправильно, не должно так происходить. Я злилась на свои бесполезные слезы. На свою беспомощность! Какой от меня толк?! Только лишний рот, да глупости совершаю! Родных расстраиваю!

Я молча обняла Шуру и Шурку, чмокнула в щечку Настю. Прижалась к груди бабушки. Забралась на едва теплую печь и долго думала над сегодняшним днем.

Меня никто не беспокоил. За время молчания стало действительно легче. Злость, обида и боль отпустили. И пришел покой. Даже какой-то тревожный покой. Как будто закончились во мне чувства. Я задремала совершенно пустая. Разбудила меня Настя:

– Пойдем ужинать, – тихо и ласково позвала она.

Я спустилась с печки и поплелась к семье. Все уже сидели за столом и живо орудовали ложками. В чашках был бульон из сушеных грибов, картофеля и остатков куриных косточек.

Последние дни мы вставали из-за стола с чувством голода. Но не в этом беда, мы ожидали ее впереди, когда совсем ничего не останется.

Как-то бабушка обмолвился: мол, хватит кормить петухов космоногих. Пора о себе позаботиться и ночью прире-

зять Марту или хотя бы коз. Мы уговорили его немного подождать. И на следующую ночь ему наконец-то удалось выбраться в колхоз с надеждой разыскать что-то нужное. Немцы громко гудели, наверное, праздновали что-то. А может, нет, кто поймет чужаков?

Тогда мы впервые остались одни. Мой страх вновь не давал покоя.

Глава 8

Шурка разбирала опустевший сундук. В нем остались только девичьи вещи, и каким-то чудом среди них затерялась пара шалей, все другое забрали немцы. Сестра собрала посуду, которую мы редко использовали. Поставила на табурет тяжелый чугунок, чтобы обмотать в газету. Для чего она так делала, мне было неясно. Начала заворачивать, и тут он выскользнул из рук и затарахтел по полу тяжело и глухо. Шурка украдкой глянула по сторонам, видно, надеялась, что мы не обратим внимания. Но все мы с замиранием уставились на нее. Сестра в ответ нашему взгляду невинно пожала плечами.

– Надо его в газету завернуть, чтобы копотью вещи не испачкал, – важно сказала она и, подняв чугунок, ловко обернула в бумагу и убрала в сундук.

Мы улыбнулись.

Громкий стук в дверь оборвал подступающий смех. Де-душка стучал иначе – аккуратно, тихонько. Значит, немцы!

По привычке мы собрались вместе у печи, будто это делало нас смелее. Взялись за руки. Я почувствовала легкую теплоту уверенности. Но все же страх был сильнее.

Дверь с силой дернули, казалось, она сейчас сорвется с петель. Очередной стук наполнил хату гнетущей тревогой. Настя кинулась вперед открывать засов, пока его не вырвали

с корнем. И сразу попятилась назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.